

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 303.1

ТРИВИАЛЬНОСТЬ И ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ КАК ФОКУСЫ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский государственный университет
E-mail: kravchenko.n@gmail.com

Основываясь на авторском определении гражданской идентичности, рассматривается оппозиция «мы» и «они» в различных социокультурных срезах, исторических эпохах с учетом цивилизационной специфики. Расколы общества провоцируют различия степени сформированности гражданской идентичности и обуславливают ее особенности. Автор приходит к выводу, что социальные расколы и расслоения не дают методической возможности изучать гражданскую идентичность как некую универсальность. В России формируется парадоксальная гражданская идентичность.

Ключевые слова: идентичность, гражданская идентичность, дихотомические формы «я – мы», «мы – они», «свои – чужие», тривиальность vs парадоксальность.

Triviality and Paradoxicality as Focuses of the Analysis of a Phenomenon of Civil Identity

N. Yu. Kravchenko

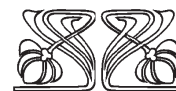
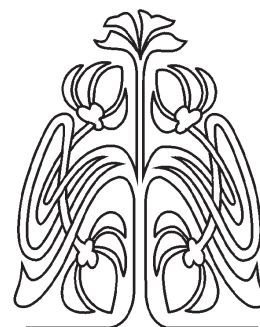
In the article the opposition «we» and «they» is considered (based upon the author's definition of civil identity) in various sociocultural situations, historical eras taking into account civilization specifics. Splits of society provoke distinctions of degree of formation of civil identity and cause its features. The author comes to a conclusion that social splits and stratifications don't give the methodical chance to study civil identity as a certain universality. So, the paradoxical civil identity is formed in nowadays Russia.

Key words: identity, civil identity, dichotomizing forms «I – we», «we – they», triviality vs paradoxicality.

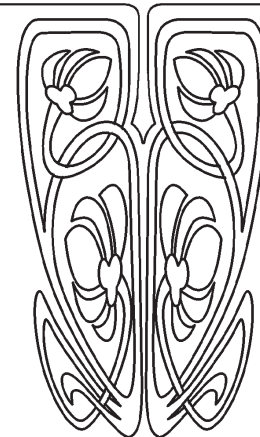
Современный мир ставит перед исследователями все большее количество задач, которые требуют решения. В ряду социальных проблем ученые считают первоочередными перенаселение планеты, потерю ею ресурсов, нарушение экологического равновесия (Э. Тоффлер); экономическое отставание ряда стран (Я. Тинберген, В. Леонтьев, М. Месарович); «идентичность» человека, его адаптацию к условиям среды (А. Печчеи, Е. Ласло). Все глобальные проблемы взаимосвязаны между собой: так, демографический взрыв ведет к перенаселению планеты и усиливает миграционные процессы; искаженные идентификации индивида приводят к искусственному делению на «своих» и «чужих», что продуцирует новые проблемные поля.

Политолог В. С. Малахов обращает внимание на необходимость осмысления нового понимания «границы» между «своими» и «чужими» как источника глубочайших различий, которых раньше не было. В настоящее время «граница» не только определяет различия, но и конструирует, создает их¹.

В процессе самоидентификации индивид конкретизирует собственное «Я», выделяя особость этого «Я», соотнося его с «Другим». Идентификация проявляется в противопоставлениях «я – мы», дальнейшая идентификация проявляется в определениях «мы – они», «свои – чужие». Это самоопределение индивида имеет большое значение при формировании гражданской идентичности.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

К вопросам оппозиции «мы – они» ученые обращались, разрабатывая различные теоретико-методологические подходы: в социологической проекции – Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, Г. Зиммель, А. Бергсон; социально-психологической – Г. Тэджфел, Дж. Тернер, З. Фрейд, Э. Фром, Г. Лебон; этнологической – К. Леви-Стросс и П. Бурдьё; историко-конструктивистской – Э. Геллнер и Б. Андерсон; феноменологической – Г. Мид. Эта оппозиция анализировалась в большом количестве теоретических подходов: Т. Шибутани (символический интеракционизм); Ч. Кули (концепция «зеркального Я»); И. Гофмана (социодраматический подход); П. Бергера и Т. Лукмана (конструирование социальной реальности); Р. Дарендорфа (конфликтология); Н. Я. Данилевского, А. Тойнби, О. Шпенглера (цивилизационный подход). Проблема «мы и они» становится предметом осмысления отечественных исследователей А. Г. Здравомыслова, В. Л. Иноземцева Б. Ф. Поршнева, А. В. Шпилова и многих других.

Для понимания особенностей формирования гражданской идентичности в настоящий период, на наш взгляд, необходимо провести ретроспективный анализ состояния оппозиций «мы – они», «свои – чужие» в различные исторические периоды. Отметим, что опыт рассмотрения этих оппозиций методом ретроспективного анализа использовался ранее доктором культурологии А. В. Шпиловым. В его монографическом исследовании под названием «“Свои”, “чужие” и другие» описывается анализ циклической динамики форм оппозиции «мы – они» в ходе социокультурного развития на примере истории античной и отечественной культуры. Цель исследования А. В. Шпилова – подтвердить «гипотезу о том, что оппозиция “свои – чужие” определяет параметры социальной идентичности лишь в национально-демократических обществах, а в сословно-авторитарных обществах она вытесняется и минимизируется оппозицией “высшие – низшие”, так что межэтническая толерантность неизбежно предполагает межсословную интолерантность»².

Цель данной статьи – выявить специфику формирования гражданской идентичности на современном этапе.

При смене одной исторической эпохи другой имело место изменение оснований идентичности людей; для каждой эпохи был характерен свой исторический, приоритетный тип идентичности, так называемая «доминантная идентичность»³. И. Б. Фан обращает внимание, что для каждой из цивилизаций, была характерна своя уникальная модель гражданина с инвариантными чертами. Генетические связи между историческими типами модели западноевропейского гражданина детерминировали временную устойчивость инвариантной модели гражданина⁴.

При этом в каждый исторический период соотношение оппозиции «мы и они» было различным. Рассмотрим это соотношение, учитывая авторское определение гражданской идентичности как социально обусловленного позиционирования индивида в гражданской сфере в конгруэнтном соотношении, целостности «Я-телесного», «Я-психического» и «Я-рационального»⁵.

Как известно, в древневосточных обществах коллективное «мы» полностью преобладало над личностным «я», так как главным субъектом жизнедеятельности выступала община, а не сами индивиды. В качестве «мы» выступали прародители, явления природы, общинный коллектив. Основанием для идентификации являлось понимание жизни как циклического процесса.

Древние шумеры, египтяне, хетты и другие древние народы осознавали себя не в качестве «я», а частью общины, окружающего мира, «мы».

Осознание собственного «я» появляется в древнегреческом полисе, но это «я» растворяется в теле полиса. По мнению А. Ф. Лосева, в античном космологизме «нет никакой личности, а есть прекрасно, предельно организованная в теле материя»⁶. Телесность являлась своеобразным социокультурным контекстом античности, так как полис в этот период представляет собой единую политическую общность, а политика для античных граждан становилась телесным существованием.

На первом месте для гражданина полиса стояли интересы гражданской общины: коллективное, общественное благо имело приоритет над личным, частным. Однако при этом в период расцвета древнегреческой цивилизации у граждан полиса имелись все возможности для всестороннего личного развития, это обеспечивало гармоничную и прочную связь личности и коллектива.

Аристотель определяет современное ему государство как общение подобных друг другу людей ради достижения высшего блага⁷. Под людьми мыслитель подразумевает только свободных граждан греческого полиса. Для граждан коллективная идентичность «мы – граждане» основывалась на противопоставлении себя рабам, не гражданам («они» – рабы). Свобода как главное условие полноценного гражданства понималась Аристотелем как противоположность рабства. При этом, противопоставляя граждан рабам (свободные – рабы), философ ограничивал их идентичность свободных граждан. Индивидуальная свобода в античном обществе реализовывалась через равенство всех полноправных граждан перед законом – через равенство меньшинства. Аристотель к «другим», «не гражданам» наравне с рабами причислял и жителей остального, не эллинистического мира («варваров»), обосновывая это тем, что они не способны к гражданской и политической жизни.

Граждане греческого полиса, замкнутой политически организованной гражданской общины, передавали статус гражданина по наследству, принадлежность к общине определялась земельным владением, величина земельного участка обуславливала и объем политических прав гражданина полиса.

В отличие от «других», граждане обладали неоспоримыми правами. Их политические права заключались в свободе слова, в равенстве перед законом, занятии выборных должностей.

Основное население греческих полисов, как пишет историк Э. Д. Фролов, четко осознавало свое этническое и культурное единство и свое отличие от других греков, живших в соседних общинах, и тем более от чужаков-варваров⁸. «Варварским» формам общения, отмечает политолог И. Б. Фан, полис противопоставлял синкретизм городской общины и государства⁹.

Греческая полисная политическая система классического периода являлась демократией для меньшинства населения – полноценных граждан мужского пола. Открытое или скрытое противостояние граждан полиса всему остальному населению являлось античным способом решения оппозиций: свои ↔ чужие и господство ↔ подчинение. Феномен античного гражданина был также обусловлен жесткой дифференциацией общества по принципу: «свои – чужие», граждане (обладающие достоинством, цивилизованностью, персоной) – не граждане (нечто безличное и бесформенное – «варвары»), и чувством превосходства над чужими, которое объединяло своих¹⁰.

Античность сменяет эпоха Средневековья, начало которой традиционно связывают с падением Римской империи – V веком, а окончание – со временем возрождения искусства, светской науки, великими географическими открытиями – XV в.

В варварских обществах общественные связи носили, главным образом, природный, органический и патриархальный характер и включали в себя племенные, родовые, семейные связи, отношения между родственниками и т. п. Общественные связи носили в основном межличностный характер. Индивиды, как правило, не выбирали себе людей в группу для межличностного общения, поскольку это были преимущественно их родственники и члены семьи; браки тоже заключались обычно по определенным предписаниям. Поведение индивидов в варварских обществах полностью определялось их принадлежностью к социальному разряду или общественному слою.

Этику государственности античных цивилизаций сменила феодальная этика личного служения. По выражению французского медиевиста Ле Гоффа, «античный человек должен был быть справедливым, средневековый же верным»¹¹.

В раннем Средневековье (примерно V–IX вв.) преобладала двучленная модель с двумя

частными схемами-парами. Важнейшая из них – оппозиция «клирик ↔ мирянин». Такая схема отражала социальную реальность общества, во всех сферах которого полностью господствовала религия, а духовенство являлось его важнейшим элементом. Другая схема-пара отражала мирскую линию осмысления социального расслоения общества и выражалась оппозицией «могущественный (имеющий власть) ↔ бедный (зависимый)» или «сюзерен ↔ вассал». Развитие экономических отношений и превращение богатства в важнейший источник и, как следствие, могущества и власти трансформировало эту формулу в схему «богатый ↔ бедный».

Применительно к X–XI вв. можно говорить о трехчастной, ставшей классической для Средневековья, схеме. Согласно ей феодальное общество состояло из трех функциональных категорий-классов (сословий): молящиеся (oratores), сражающиеся (bellatores) и трудящиеся (laboratores). Религия в Средние века как на Западе, так и на Востоке стала безоговорочно господствующей идеологией феодального общества.

Каждый индивид в феодальном обществе всегда был тесно связан с другими членами своей группы¹². Важнейшей чертой феодального общества была его корпоративность. Объединения, союзы рыцарей, монахов, бюргеров, купцов, ремесленников, членов семей в форме различных орденов, братий и братств, коммун, гильдий, цехов, общин, землячеств, патриархальных и индивидуально-родственных групп и даже религиозных сект – все они сплачивали людей Средневековья в тесные микромиры, которые обеспечивали им защиту и помощь и строились на основе взаимности.

При этом социальные связи, объединявшие людей в группах, носили гораздо более выраженный характер, чем связи, существовавшие между разными группами или членами разных групп, были, прежде всего, внутригрупповыми. «Группа, в которую включался индивид, давала ему не только занятие, гарантировала соблюдение определенного образа жизни, а в ряде случаев даже и обеспечивала его материальное существование, – группа предлагала, более того – навязывала ему поведение, строй мыслей и взглядов. Социальный корпоративизм Средневековья был вместе с тем и духовным конформизмом»¹³. Средневековый человек «не столько утверждался, – считает Ле Гофф, – сколько полностью растворялся в этих общностях»¹⁴.

Безусловно, корпоративность феодального общества препятствовала развитию индивидуальности ее членов, сковывала их инициативу, подчиняя личное сознание коллективному. «Свои» – члены твоей корпорации, «чужие» – члены другой корпорации.

Гражданин Средневековья обретал и отстаивал собственную идентичность, прежде всего, в

недрах феодальных корпораций, в союзе с лицами равного статуса, профессии или одинакового занятия.

На определенной ступени развития средневекового общества индивид начинает находить новые средства для самовыражения. Поворотным здесь считают XIII в. Во всех отраслях жизни обнаруживаются симптомы, свидетельствующие о растущих притязаниях человеческой личности на признание. Действительно, начиная с XIII в., по мере роста самосознания средневековый человек осознает уже не только отдельность своего тела от остального мира и от других людей, но также открывает внутренний мир своих переживаний, его интимность, отдельность себя от других людей и от своего образа, представленного в их глазах. При этом внутренняя жизнь индивида постепенно приобретает единый интегрированный характер, появляется организующий центр личности – внутреннее «Я».

Интроспекция приобретает самостоятельное значение, значимо для эволюции европейского самосознания возникновение в конце периода Средних веков (первая половина XVI в.) протестантизма, это обстоятельство способствовало внутреннему созерцанию и углублению рефлексии собственного «Я».

Основное значение периода Средневековья в развитии самосознания человека заключается в выделении внутреннего мира, интимного чувственного «Я», отличного от ранее привычного «мы». Этот процесс индивидуализации и обнаружения самооценности человека как личности не был одномоментным, он происходил на протяжении всей истории Средних веков. При этом обретение человеком Средневековья своего внутреннего «Я» явилось непосредственным следствием иррациональной и во многом противоречивой картины христианского мира.

Потребность горожан в тесном единении с себе подобными приводила к созданию не только цехов – профессиональных объединений, но и так называемых «братств» (*fraternitates*). В средневековых городах была целая сеть этих братств, даже небольшой город мог иметь несколько десятков подобных союзов. В рамках такого микросоциума «собратья» оказывали друг другу всякого рода помощь и содействие и одновременно осуществляли контроль над поведением лиц, входивших в «братство»¹⁵.

И. Б. Фан считает, что ядро правового и политического сознания общины составляла солидарность граждан города (своих) и неприятие негорожан (чужих). Собственное управление коммуны носило корпоративный, правовой, договорный и относительный характер. Так, «решая военные, полицейские и подобные задачи, бюргеры создавали разнообразные способы участия, ассоциации, самоуправления – коммуну, приход, квартал, цех, гильдии, клиентелы и др. Ментальной основой этих институтов служили

чувства коммунальной, квартальной, приходской солидарности и ответственности»¹⁶.

Возвращение к проблемам человека и земной жизни, к его природной составляющей, к телесности связано с эпохой Возрождения как культурным феноменом. Человек становится основным открытием Возрождения в политической области. Он сам создает, сам развивает социальные связи и социальные общности, в которых коммутируют свободные граждане. Таким образом, возникает внутренняя самоотнесенность. Причем телесный антропоцентризм Возрождения сочетается с автономизацией человеческой личности, которая получает закрепление в социальных структурах¹⁷.

Прежде всего, в эпоху Возрождения происходит смена социального статуса элиты общества. Благородство, достоинство перетолковываются, истинное благородство достигается совершенствованием, обладает ценностью, но не в сакральном или феодальном смысле. Благородство – овладение ученостью, словесностью. Плюрализация социальной жизни приводит к необходимости находить универсальные критерии поддержки, опоры для «Я»¹⁸.

В XV–XVI вв. можно наблюдать создание новых способов и появление новых уровней коммуникации, развитие новой среды общения. Важнейшим культурно-социальным феноменом этого времени становится появление малых кругов общения. Именно малые коллективы, по выражению Ю. М. Лотмана, создают большую культуру¹⁹.

Занимаясь той или иной деятельностью, люди эпохи Ренессанса образовывали коллективы на основе уже личной воли и желания, в отличие от сословных цехов, монашеских и рыцарских объединений Средневековья; формировали группы, существующие в пределах ограниченного исторического периода времени. Возникновение этих малых коллективов не всегда было обусловлено социальными или экономическими потребностями.

Для описания проблемы идентичности уже требуются новые термины: субъективное время, уникальность, неповторимость телесного и духовного, необходимость самостоятельных решений и действий. Эти проблемы формулируются уже на уровне обыденного сознания индивидов. В эпоху Ренессанса и Реформации в рамках естественно-правовой доктрины зарождается индивидуализм в современном понимании этого слова. Человек, который до этого являлся лишь частицей разных религиозных и светских корпораций, становится самостоятельной ценностью, а его права объявляются высшей ценностью.

Начало Нового времени принято вести с английской буржуазной революции 1640 г. Новые капиталистические производственные отношения начинают разрушать жесткие рамки сословного европейского феодализма и увеличивают

значимость индивида в обществе. Начинает складываться общество так называемого раннего модерна или премодерна.

Индивиды социализируются в Новое время уже не в непосредственно семейной системе отсчета, предполагающей именной или сословно-корпоративный тип трансляции исторического опыта от поколения к поколению, характерной для Средневековья, а в абстрактной универсально-логической форме. Генетическую заданную принадлежность к группе, которая определяла статус человека внутри общины, корпорации, сословия, сменяют функционально-ролевые отношения «по соглашению»²⁰.

Формируется представительное государство, которое начинает выступать от имени всего населения. Сословное неравенство заменяется всеобщим юридическим равенством, что определяет качественно новый социальный статус личности. Индивид, независимо от его социального и имущественного положения, признается теперь свободным и полноправным участником общественной жизни.

С переходом от традиционного, феодального общества к буржуазному, гражданскому на исторической сцене появляется гражданин в подлинном значении этого слова – социальный и политический субъект, имеющий неотъемлемые права и обязанности.

Господствовавшие прежде вертикальные социальные связи сменяют горизонтальные не властные, образованные автономными ассоциациями граждан, что встречает противодействие со стороны централизованной власти.

В Новую эпоху формируется идея о личности, неотъемлемые права, свободы и интересы которой могут расходиться с интересами государства. Формирование институтов, ценностей и отношений гражданского общества идет на фоне осознания противоречий и неизбежных вечных конфликтов между обществом, гражданами и государством.

Ослабевшую религиозную коллективную идентичность в обществе сменяет национальная идентичность. Индивид начинает отождествлять себя с нацией, а его мировоззрение постепенно освобождается от связи с религиозными представлениями и концентрируется на проблемах, запросах, природе личности.

Основанием для многих политических теорий становится индивидуализм. У английского мыслителя Томаса Гоббса человек – создатель государства Левиафан, позволяющий избежать отрицательных последствий «войны всех против всех».

Одновременно в конце XVIII – первой четверти XX в. идеи гражданского общества получают дальнейшее развитие и на основе преодоления синкретизма общества и государства и радикализации политического сознания его представителей. К прежним приоритетным не-

отчуждаемым правам личности и экономической свободе добавляется требование политической свободы, независимости граждан и их объединений от возможного или фактического произвола государства, его бюрократического аппарата.

Для общества Нового времени периода его формирования наиболее доминантными являлись солидарность и идентичность национально-гражданского типа («один народ – одно государство»). Но уже на рубеже XVIII–XIX вв. стала приобретать актуальность и идентичность, основанная, по словам А. Флиера, на социально-экономическом (классовом) положении человека, и связанная с этим борьба за построение более справедливого социального порядка. Здесь ситуация представляется обратной по отношению к аграрной эпохе; идентичность индустриального общества по своим основаниям преимущественно социальная и политическая и лишь отчасти культурная. Идеология индустриального общества строилась на социально-экономических и политических интересах и поддерживала социальную устойчивость общества²¹.

Моральная и правовая основы для наделения индивидов гражданским достоинством, для формирования гражданской идентичности складывались из возможностей к самоорганизации, самоуправлению (самоконтроля, рефлексии, самопринуждения) личности – духовного господства над собой.

Этос гражданина Нового времени формировался в результате стихийного развития культуры, с одной стороны, и идеологического воздействия государства, с другой. Гражданство становится важнейшим институтом, ограничивающим власть государства. В результате демократизации государственного управления статус подданного вытесняется гражданским статусом. Складывающийся институт гражданства, как отмечает Ю. Хабермас, становится коллективным членством граждан, принимающих участие в осуществлении политического господства²².

Начало XX в. характеризуется наметившейся в предыдущий период тенденцией социализации гражданского общества. Частные предприниматели, торговцы на рубеже XIX–XX вв. уступают свое ведущее место в экономике торговому и финансовому корпорациям. Одновременно внушительной силой становится класс наемных рабочих, организуемый в профессиональные союзы, с которыми начинают считаться.

Премодерну сопутствуют основные идентичности: империя, этнос, религия, иерархия. Сословный принцип характерен для большинства типов традиционных обществ. Такие общества основаны на иерархии, высшие касты соответствуют духу, низшие – материи.

Завершается формирование нового типа общества – общества Модерна, для которого характерно усиление роли государства и его бюрократического аппарата и общий тоталитарный характер.

Эпоха Модерна характеризуется доминированием национального государства в политической жизни общества. У большинства членов этого общества преобладают Я-идентичности (идентичности, ориентированные на себя). Я-идентичность явилась следствием разрушения традиционных социальных общностей. Ее можно характеризовать чувством уникальности и одиночества и, как следствие, толпообразованием – попыткой «бегства от свободы»²³. Если для традиционного общества предшествующих эпох была характерна локальная, малогрупповая идентификация (на уровне семьи, общины, касты, сословия), то в обществе Модерна степень идентичности повышается, переходя на классовый, национальный и гражданский уровень.

Противостояние «мы – они», характерное для древнего мира, возрождается в форме «неотрайбализма» – этнического сепаратизма, который в многонациональных государствах выливается в кровавые межэтнические столкновения²⁴.

Популярный современный политолог и футуролог Самуэль Хантингтон прямо утверждает, что преобладающим типом политики в современном мире становится этническая политика и она же является основной причиной столкновений и конфликтов.

Модерн выдвигает свои идентичности: государство, нацию, светскость, равенство индивидов, граждан (права человека). Граждане ставятся на одну онтологическую и антропологическую плоскость, демократия релятивирует системы власти. Теоретически каждый индивид может занимать в обществе и в государстве любой пост.

Рассмотрим специфику формирования гражданской идентичности на современном этапе. На первый план в обществе постмодерна сегодня выходит свобода меньшинства – «право отдельных индивидов или групп действовать как им вздумается в тех областях, на которые не распространяется право большинства навязывать всем одни и те же правила игры»²⁵.

Идентификация современного человека осложняется его тотальной неуверенностью, проявляющейся в попытках установить границы своего «Я» и границы «Другого», определить свои желания, ожидания и возможности. Его идентичность, по мнению французского философа Ж. Бодрийяра, трансгранична. Человек я или машина? человек я или виртуальный клон? мужчина я или женщина? – ответить однозначно на эти вопросы современный человек не может²⁶. В динамично развивающемся социуме идентичность становится пластичной и подвижной, нестабильной и зачастую нефиксируемой, фрагментарной. Подвижность и пластичность идентичности связаны с тем, что современный человек вынужден выбирать свой жизненный путь из многообразия перспектив, постоянно

корректируя свои жизненные цели, мотивы деятельности, ценностные установки. Если человек, привязанный к определенной культуре и традиции, стремился, прежде всего, вписаться в общество (буквально – занять свое место), построить идентичность, сохранить ее целостность и стабильность, то современный человек, пытающийся раскрыть свой внутренний потенциал, не останавливается на месте и избегает любой фиксации. Чрезмерная гибкость идентичности, постоянные ее исправления приводят к тому, что современный человек утрачивает возможность обрести целостность своего «Я».

Человек постмодерна выстраивает дистанцию между «Собой» и «Другим». Социальные отношения, таким образом, становятся фрагментарными, прерывными, непродолжительными и поверхностными. Современный мир – это, по определению немецкого социолога и философа У. Бека, мир «развязанных» отношений между людьми, замкнутыми на себе и утратившими способность к подлинной коммуникации.

Исследователи говорят о появлении нового типа идентичности – «ориентированного на Другого». Основной характеристикой этого типа, по мнению социолога Р. И. Анисимова, является «ролевая дистанция» как осознание навязываемых норм и ценностей общества и попыток скрыть или, наоборот, раскрыть «целостно действующее Я»²⁷.

Сегодня гражданская идентичность, по мнению исследователей, является трансверальной (переходной), глубоко интернированной и осознаваемой как собственная позиция, для характера, ориентированного на «Другого». Современная гражданская идентичность – ситуационна, не внутриличностна, ее конструирование носит характер игры. Исследователи говорят о возможном полном исчезновении гражданской идентичности, место которой займет идентификация по региональным и национальным параметрам, выстраиваемая по схеме «коренные жители – приезжие». Конфликты будут происходить не между населением и элитой, а между коренными жителями – гражданами и мигрантами, добывающимися гражданства²⁸. Поскольку любая идентичность предполагает наличие пары «свой – чужой», люди создают внутренних и внешних оппонентов.

В основании контекстуального характера, несмотря на известную степень размытости, раздробленности, будет присутствовать цивилизационное основание идентичности.

Для понимания специфики гражданской идентичности в современной России обратимся к исследованию Ж. Т. Тощенко Он вводит понятие «реальное сознание» и определяет его как синтез теоретического и обыденного, сочетание рационального и эмоционального, переплетение мировоззренческих и практически функционирующих моментов. В противовес «реальному

сознанию» автор называет «парадоксальное сознание»²⁹.

Общество постмодерна можно охарактеризовать как расколотое, полное парадоксов, разорванное и иной раз определять его как маргинальное, предстающее как ложное сознание. Под понятием «раскол», говоря об обществе здесь и далее, мы подразумеваем ахизеровское определение как «острозастойное противоречие между культурой и социальными отношениями»³⁰.

Ж. Т. Тощенко дает определение парадоксов: «...это в большинстве случаев расходящиеся, противоречивые и даже противостоящие друг другу мнения, суждения, установки, ориентации, действия, которые одновременно существуют, сочетаются и функционируют в сознании и поведении одних и тех же людей». Автор рассматривает сущности парадоксов. Волна этнонационализма, взметнувшаяся на всем пространстве бывшего СССР, породила парадоксы национального «Я». Поиск этнокультурной идентичности выявил свою парадоксальность. Ж. Т. Тощенко называет такие парадоксы этнического взаимодействия «аккультурация, этноцид, раздвоенность сознания и поведения», «сохранить свое, и не оторваться от ценностей другого»³¹.

Анализ реальной ситуации в России показывает, что парадоксальность сознания стала неотъемлемой частью современной жизни³². Ж. Т. Тощенко констатирует состояние ценностного вакуума, того, что в социологии принято называть аномией. В стране наблюдаются апатия, безразличие, растерянность, пессимизм. Общество волнует проблема самоидентификации, осознания себя и места своей страны в мире. Идет процесс формирования гражданской идентичности, в результате которого создается парадоксальная гражданская идентичность. Она начинает формирование очень странно. Зарождается новый россиянин – полный парадоксальности.

В современном мире парадоксальность усиливается потому, что этот мир требует включения человека во все возрастающее многообразие социальных отношений и структур, что сопряжено с гигантскими нагрузками на психику, стрессами, разрушающими его здоровье. Острота и объемность этой парадоксальности характерна для обществ с неустойчивым развитием, находящихся в состоянии нестабильности, аморфности, неопределенности вектора исторического процесса³³.

Дезориентированный современный человек, сам того не замечая, исповедует противостоящие друг другу истины и, что поразительно, относится к взаимоисключающим мнениям и суждениям с доверием, ориентируется на них вполне искренне, часто не замечая этого потрясающего несоответствия.

Опасным стало конструирование проблем как в официальной политике, так и в реальной

практике современного российского общества. Особым явлением стала «кентавр-проблема», являющаяся особенной, специфической, но не исключительной формой парадоксальности³⁴.

«Кентавр-проблема» особенно проявляется в период деформации общественных отношений, нестабильности и в определенной степени становится нормой для сознания и поведения людей в период кардинальных общественных изменений.

Ж. Т. Тощенко отмечает, что «незнание или игнорирование “кентавр-проблемных” ситуаций в обществе обрекает политиков и обслуживающих их научные центры на ложные выводы, создает условия для провала их действий, особенно тогда, когда они продолжают мыслить по принципу линейности развития, не видя не только противоречий, но и парадоксальности многих ситуаций»³⁵.

В настоящее время в России, так же как и в остальном современном мире, складывается сложная система идентичностей. Часть людей, проживающих на одной территории, ощущает себя в премодерне, другая часть – в модерне, остальные – в постмодерне. К примеру, у большого количества россиян мы наблюдаем идентичности традиционные (семья), в то же время существуют группы людей, разделяющих нетрадиционные ценности. Многие люди творческих профессий, специалисты в области программирования свободно ощущают себя в постмодерне, в то время как другие выращивают овощи, чтобы как-то прокормиться. Огромная разница в доходах населения, кардинально разные политические взгляды, многопластовость, расслоение общества может расколоть его. Социальный раскол общества, разновекторные идентичности, парадоксальное сознание и расслоения приводят к тому, что методологически изучать гражданскую идентичность как некую универсальность не представляется возможным. Исследователям остается постигать истину через разнообразие методов и приемов изучения многообразных социальных явлений с последующим их обобщением и анализом.

Таким образом, на протяжении многовековой истории человечества одна эпоха приходит на смену другой, вытесняя предыдущие идентичности и меняя дихотомии «я – мы», «мы – они», «свои – чужие» и т. п. В древневосточных обществах коллективное «мы» полностью преобладало над личностным «я», главным субъектом жизнедеятельности выступала община. В качестве «мы» выступали прародители, явления природы, общинный коллектив. Основанием для идентификации являлось понимание жизни как циклического процесса. Осознание собственного «я» появляется в древнегреческом полисе, но это «я» растворяется в теле полиса.

Для граждан коллективная идентичность «мы – граждане» основывалась на противопоставлении себя рабам, негражданам. Феномен

античного гражданина был также обусловлен жесткой дифференциацией общества по принципу: «свои – чужие», «граждане – неграждане».

Гражданин Средневековья обретал собственную идентичность в недрах феодальных корпораций, в союзе с лицами равного статуса, профессии или одинакового занятия. Основное значение данного периода в развитии самосознания человека заключается в выделении внутреннего мира, интимного чувственного «я», отличного от ранее привычного «мы».

В эпоху Возрождения происходит смена социального статуса элиты общества. Плюрализация социальной жизни приводит к необходимости находить универсальные критерии поддержки, опоры для «я»³⁶.

В эпоху Ренессанса и Реформации на исторической сцене появляется гражданин – социальный и политический субъект, имеющий неотъемлемые права и обязанности.

В период преромодерна складывающийся институт гражданства становится коллективным членством граждан, принимающих участие в осуществлении политического господства.

Эпоха Модерна характеризуется доминированием национального государства в политической жизни общества. У большинства членов этого общества преобладают Я-идентичности, являющиеся следствием разрушения традиционных социальных общностей. Противостояние «мы – они» возрождается в форме этнического сепаратизма.

К концу XX в. Модерн вытесняется идентичностями постмодерна, появляются глобализация, планетарный космополитизм, произвольность утверждения индивидуумами абсолютным своего отношения к другим. Индивидуализм достигает логического предела. Человек освобождается от общества и любых форм коллективной идентичности и постепенно теряет «Другого» из виду³⁷. Противоречия идентичностей «я – мы», «мы – они», «свои – чужие» выявляются на плоскости постмодерна.

Итак, дихотомические формы «я – мы», «мы – они», «свои – чужие» прослеживаются на всех этапах исторического развития общества и определяют лейтмотив формирования идентичностей, в том числе и гражданской.

Примечания

- 1 См.: Малахов В. С. Мультикультурализм и идеология «инакости» // Малахов В. С. Понаехали тут. Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Нов. лит. обозрение. 2007. С. 150.
- 2 Шипилов А. В. «Свои», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 436.
- 3 См.: Флиер А. Я. Феномен культурологи: опыт новой интерпретации // Обсерватория культуры. 2011. № 2. С. 4–19.

- 4 См.: Фан И. Б. Теоретическая модель феномена гражданина: социокультурный подход // Полис. 2010. № 6. С. 149.
- 5 См.: Кравченко Н. Ю. Российская гражданская идентичность: опыт социологической реконструкции. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014.
- 6 Лосев А. Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. [и др.] Античная литература / под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: ЧеРо, 1997. С. 488.
- 7 См.: Аристотель. Политика. I. 1 // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1976–1983. Т. 4. С. 376. (Сер. «Философское наследие»).
- 8 См.: Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. С. 12.
- 9 См.: Фан И. Б. Концепт гражданина в политической мысли: методологические подходы и теоретические модели: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2010.
- 10 См.: Фролов Э. Д. Указ. соч.
- 11 Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 33.
- 12 См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
- 13 Там же. С. 168.
- 14 Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 52.
- 15 См.: Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2009. С. 155.
- 16 Фан И. Б. Концепт гражданина в политической мысли: методологические подходы и теоретические модели. С. 25.
- 17 См.: Заковоротная М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. науч. центра Высш. шк., 1999. С. 85.
- 18 См.: Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1992. С. 51.
- 19 См.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973. С. 282–302.
- 20 См.: Можейко М. А. Модернизация концепции // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / под ред. А. А. Грицианова. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2002. С. 480.
- 21 См.: Флиер А. Я. Указ. соч.
- 22 См.: Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М.: КАМИ-ACADEMIA, 1995. С. 209–245.
- 23 См.: Анисимов Р. И. Трансформация гражданской идентичности в России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2011.
- 24 См.: Малахов В. С. Указ. соч.
- 25 Отрешко Н. Б. Гражданское общество как возможность меньшинства в ситуации постмодерна // Межвузовский центр социальной теории ГОУ ВПО «Чувашский гос. педагогический ун-т им. И. Я. Яковлева». URL: <http://www.mzst.ru/> (дата обращения: 25.09.2013).

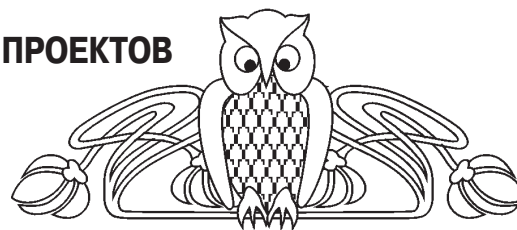
- ²⁶ См.: Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2000. С. 89.
- ²⁷ Анисимов Р. И. Указ. соч. С. 13.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См.: Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек : феномен общественного сознания и социальной практики // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. 2007. № 2–3. С. 6.
- ³⁰ Ахиезер А. С. Россия : критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) : в 2 т. Т. I : От прошлого к будущему. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. С. 10.
- ³¹ Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек. М. : Гардарики, 2001. С. 8.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Тоценко Ж. Т. Кентавр-проблема в познающей и преобразующей деятельности человека. URL: <http://eskosman.hse.ru> (дата обращения: 12.02.2015).
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ См.: Петров М. К. Указ. соч.
- ³⁷ См.: Дугин, А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2007.

УДК 316.43

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЕКТОВ БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

В статье на основе результатов многочисленных социологических исследований, проведенных Центром региональных социологических исследований СГУ им. Н. Г. Чернышевского, обосновывается социальная значимость одного из современных проектов благоустройства городской среды.

Ключевые слова: благоустройство, городская среда.

Social Value of Modern Projects of Developing Urban Environment

S. V. Sitnikova

The article deals with the results of numerous researches made by Center of Regional Sociological Research of Saratov State University. This was the basis for validating the social value of one of the modern projects of developing urban environment.

Key words: landscaping, urban environment.

Сегодня инновационные продукты для развития городской инфраструктуры обосновывают понимание современной урбанистики не в узком научном поле, как раздел экономической географии, а значительно шире – как полипарадигмальную методологию исследования городского пространства. И только совместная работа геологов, географов, экологов, архитекторов, обществоведов и ряда других специалистов позволит системно решить проблему благоустройства повседневности современного горожанина.

28 января 2015 г. в Москве, в Институте медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» прошло обсуждение проекта «Благоустройство повседневности Саратова». Разработка данного проекта инициирована В. В. Володиным, курирует данное направление О. Ю. Баталина. В обсуждении принимали участие представители региональной и муниципальной власти, СМИ,

геоэкологи, архитекторы, географы, социологи. Фокусом обсуждения являлась общая концепция благоустройства г. Саратова. Все присутствующие одобрили предложения архитекторов «Стрелки». В связи с чем 6 февраля в Саратове, в Саратовском социально-экономическом институте Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова прошли общественные слушания по вопросу возможности реализации предложенной концепции.

Авторы идеи предложили три направления развития: благоустройство набережной Космонавтов, проспекта Кирова, строительство детского развлекательного парка. Первое направление предполагает продление набережной, строительство современного причала, создание маршрутов водного транспорта к островам, размещение туристической инфраструктуры, строительство речного клуба и развитие центра экстремального спорта. Предполагается сохранение производственных кластеров и создание пяти функциональных зон: природной, туристической, зоны мероприятий, детской и зоны активного спорта.

В 2015 г. проспект Кирова отмечает 30-летний юбилей как первая пешеходная улица в СССР. Проект благоустройства саратовского проспекта предполагает: общую концепцию оформления уличной мебели и освещения, оборудование новых мест для отдыха горожан, максимальное раскрытие функций первых этажей зданий и размещение уличных террас.

Современные тенденции развития градостроительства показали недостаточность использования западного опыта и необходимость ориентации на собственное социокультурное наследие. Данному запросу отвечает и третья на-